

◆ РУССКАЯ КРАСАВИЦА ◆

**Читайте исторические
любвные романы Елены Арсеньевой
в серии «Русская красавица»:**

Нечаянная свадьба

Тайная жена

Страстная-опасная

Любовный водевиль

Сестры-соперницы

Северная роза

Гадание на любовь

Виновница страстей

Свет мой ясный

Крепостная графиня

Роковая вдова

Пленник богини любви

Дуэль на брачном ложе

Две невесты

Любовь как смерть

Лукавый взор

Заморская отравка

На краю любви

Поцелуй фортуны

Ваш милый думает о вас

Русская лилия

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

Русская
лилия

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Редактор серии *В. Горюнова*

Оформление серии *Н. Каштыкиной*

Арсеньева, Елена Арсеньевна.
А85   Русская лилия / Елена Арсеньева. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-210994-2

Племянница русского императора Александра Николаевича, Ольга, недолго томилась в родительском доме в ожидании прекрасного принца. Родители быстро нашли подходящего кандидата на руку и сердце девушки — юного Георга, который взошел на престол Греции. Теперь Ольга должна последовать за будущим супругом в далекую и чуждую страну, где ей не только придется пройти через страшные испытания, но и доказать всем и самой себе, что она не безвольная чужестранка, а сильная и уверенная в себе правительница.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210994-2

© Арсеньева Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Встал в хоровод — придется танцевать.

Греческая пословица

У Ольги Константиновны, русской королевы эллинов, было много детей. Георгий, Александра, Николай, Мария, Ольга, Андрей, Христофор... А самого старшего сына звали Константином. Все были убеждены, что королева назвала его именем отца и любимого брата. И только она знала, в честь кого назвала сына именно так. Когда дитя было еще совсем мало и ничего не понимало, Ольга тихонько, чтобы никто не слышал, называла его Васили. Время шло, ребенок подрастал, и, чтобы он не задавал ненужных вопросов, мать постепенно перестала его так называть, но все же это имя вечно жило в самой потаенной глубине ее сердца.

Пролог

*М*оре... Море синее, атласное, а пена от колес парохода — белоснежный каскад. Как может синева оборачиваться белизной? Как может небесная лазурь сменяться темнотой? Чудеса... День постепенно уплывает, как пенный след, и настает ночь. Ах, что за ночь! Небосвод в лунном серебре, но звезды поодаль от луны горят так ярко, словно за каждой стоит ангел и раздувает ее светлый пламень. Вода отликает фосфорическим блеском, и колесный след, белый днем, теперь кажется огненным. Совершенно как у божественной Сафо: «Близ луны прекрасной тускнеют звезды, покрывалом лик лучезарный кроют, чтоб она одна всей земле светила полною славой».

Воздух пронизан теплой влажностью. Ольга сидит и сидит на палубе, каждую минуту ожидая, что появится Эдит и начнет ворчать:

мол, она слишком задерживается здесь, а ведь ночью может похолодать. И в самом деле холодает, причем с каждой минутой все сильнее. Ольга уже почти с нетерпением ждет, когда придет Эдит и прикажет идти в каюту. Но она почему-то не приходит. Ольга хочет подняться сама, но чувствует, что тело оцепенело и налилось странной тяжестью. Она не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Опускаются ресницы, которые тоже чудятся каменно-тяжелыми, и Ольга вдруг ощущает, что постепенно превращается в камень. Точно в такую же белую мраморную нимфу, которая стоит в ее саду среди апельсиновых деревьев. О, она прекрасна, но она неподвижна! У нее закрыты глаза. Она ничего не видит. Она спит вечным сном... Может быть, это девушка, заколдованная волшебником? И Ольга вдруг осознает, что если она сейчас, сию минуту, не откроет глаза, то обратится в статую, которую тоже поставят в каком-нибудь саду.

Но она не хочет! Не хочет!

Она напрягает силы и открывает глаза, но с изумлением обнаруживает, что больше не сидит на палубе в шезлонге, а лежит на чем-то твердом и холодном. Над ней сомкнулись неровные каменные своды... Медленно возвращается память и осознание того, что она не

в прекрасном море — она в пещере. В той самой пещере! И она здесь не одна...

— Ну что, эта гинэкэ¹ уже очнулась?

Внезапно раздавшийся голос показался Ольге оглушительным. Под сводами раскатилось эхо. Все они, несчастные узники, проведенные здесь почти сутки, уже привыкли говорить только шепотом. Они натерпелись страха, всех неотступно донимали мысли о безнадежности их участи и скором приходе неминуемой мученической смерти, поэтому громкое, пугающе громкое эхо заставляло мужчин вздрагивать, а женщин заливаться истерическими слезами. А этот человек, который спрашивает, очнулась ли Ольга, ничего не боится, раскаты эха ему нипочем. Голос у него грубый, нет в нем ни капли сочувствия. Конечно, это один из их похитителей и стражей, один из убийц несчастного Маккинли.

— Что вам нужно? О чем вы спрашиваете? — послышался дрожащий женский голос.

Это бедняжка Эдит Дженкинс, бывшая гувернантка Ольги... Ну да, она же не понимает по-гречески! Когда Ольга посвящала все свободное время на пароходе изучению языка своей новой родины, Эдит только ужасалась,

---

¹ Г и н э к э — женщина (греч.).

изредка заглядывая в учебник и пытаясь прочесть греческие слова: эстиа — очаг, дакри — слеза, дэндро — дерево, дилина — сумерки, кала нэа — хорошие новости, агапи — любовь... Родным языком Эдит был английский, также она превосходно говорила по-французски и по-немецки, но греческий почему-то пугал ее. Наверное, думала Ольга, мисс Дженкинс уже не раз пожалела, что согласилась сопровождать свою воспитанницу в эту далекую, странную, обильно политую кровью, измученную, полуничую страну с легендарным, волшебным прошлым.

— Я спрашиваю, эта женщина уже очнулась? — повторил человек по-немецки.

Ольгу, помнится, с первой минуты на греческой земле поразило, как много ее жителей говорят по-немецки. Ну, это понятно, ведь прежний король и королева были немцы. А теперешний — датчанин. Что же, теперь все греки станут датский учить? Или русский — родной язык их королевы? Хотя очень может быть, что русской королевы они лишатся с минуты на минуту... И королевы, и наследника престола... Ольга вздрогнула от этой ужасной мысли и беспомощно повела глазами.

Вокруг, как и прежде, царил полумрак. От входа сквозил вечерний полусвет, но и его за-

слоняла фигура высокого, осанистого мужчины. Лица его было не разглядеть, но Ольге, лежавшей на земле, он показался почти великаном.

— Ах, — радостно воскликнула Эдит, хватая Ольгу за руку. — Моя дорогая девочка! Я уже испугалась, что вы умираете!

— Женщины живучи как кошки, — холодно проговорил незнакомец — на сей раз по-английски. Он оказался не таким уж диким горцем, как можно было подумать, слушая его грубый голос или глядя на его меховой плащ.

— Когда вы нас отпустите? — Ольга попыталась сесть (лежать перед этим мужчиной было унижительно и страшно... у него в глазах мелькнуло такое выражение... похоть или ненависть, она не поняла, но и то и другое было одинаково пугающим).

— Я уже говорил вам. Разве вы не помните? Об этом мы и вели речь, когда вы лишились чувств. Я отпущу вас, когда ваш муж придет забрать свою жену, не раньше. Вы мне не нужны. Мне нужен ваш муж. И пока он не явится за вами, я буду убивать ваших спутников, отправляя ему их головы. Одна уже переброшена через ограду его сада с письмом в зубах. Завтра он получит другую... Я, правда, еще не решил,

будет это снова мужская или на сей раз женская голова. Здесь, кроме вас, три женщины и двое мужчин. У вас в запасе пять дней жизни. У ваших спутников — гораздо меньше. Но до завтра доживете все, обещаю.

Ольга заледенела от этой чудовищной речи, произнесенной с циничным безразличием. Тишина стояла в пещере невероятная, слышались только тяжелое дыхание Эдит и всхлипывания в том углу, где сидели англичане.

— Что за нелепость... Если вам нужен этот мужчина, чего ради вы похитили его жену, а вместе с ней ни в чем не повинных посторонних людей? Почему не схватить его самого? Зачем вы разыгрываете этот чудовищный спектакль? — Ольга узнала голос рыжего англичанина по фамилии Брикстер.

Массивная фигура с непостижимым проворством метнулась на голос. Мощная ручища схватила беднягу за горло:

— Помалкивай, англос¹. Еще одно слово о тэатро² — и я не стану ждать утра, клянусь Агиагеоргисом³! Я знаю, что англосы необы-

---

¹ Англос — англичанин (*греч.*).

² Тэатро — спектакль (*греч.*).

³ Агиагеоргис — так греки называют святого Георгия.

чайно умны. Но ты... О, какой ты глупец! Неужели ты до сих пор не знаешь, чью жену мы увезли вместе со всеми вами?!

— Н-нет... — прохрипел Брикстер, тщетно пытаясь разнять пальцы, сжимавшие его горло. — Отпустите... Вы меня задушите!

— И верно... — Горец ослабил хватку. — Душить я тебя не стану. Нет никакого удовольствия рубить голову мертвецу.

Брикстер заплакал навзрыд; его стенания подхватили другие пленники.

Слезы Эдит падали на руки Ольги. Она снова закрыла глаза, отчаянно жалея, что очнулась, и мечтая скрыться под покрывалом беспомощности. Увидеть бы снова море... Хотя бы во сне...

— Вы меня и моих соратников считаете убийцами и злодеями, — сказал горец. — Нам не привыкать. Турки нас считали такими же, потом Каподистрия¹, продавшийся с потрохами русским, потом германцы, которые пришли

---

¹ Иоанн Каподистрия (в России — Иван Антонович Каподистрия (1776—1831) — граф, российский и греческий государственный деятель, министр иностранных дел Российской империи (совместно с К. И. Нессельроде) и первый правитель независимой Греции (1827—1831).

с королем Оттоном¹... Где они теперь? Турки изгнаны, Каподистрия давно убит, Оттон бежал. А мы, маниаты, сулиоты, клефты, акриты², — мы остались. Это наша страна, и не какому-то навязанному нам датскому мальчишке указывать нам, как жить. Он нам не нужен! Он должен умереть. Конечно, я был бы счастлив встретиться с ним лицом к лицу и сначала воткнуть ему в живот кинжал, а потом разнести пулей череп, как поступили с Каподистрией мои родственники, заплатившие за это жизнью. Но я еще необходим своей стране, я еще послужу ей во благо, а посмертная слава мне не нужна. Поэтому я подожду, пока Георг сам придет за женой.

— Георг? — сквозь всхлипывания выговорил Брикстер. — Датский мальчишка? Но ведь

---

¹ Оттон I — первый король Греции (1832—1862). Происходил из древней германской династии Виттельсбахов.

² М а н и а т ы — жители греческой области Мани, славившиеся воинственностью и жестокостью, активнейшие участники всех войн за независимость страны. Су л и о т ы — жители города Сули, символ несгибаемой стойкости, их борьбе с турецкими захватчиками посвящен цикл исторических, так называемых сулиотских песен. К л е ф т ы — партизаны, сражавшиеся с турецкими захватчиками. Иногда синоним выражения «разбойники с большой дороги». А к р и т ы — герои, защитники родины.

Георгом зовут вашего короля, и он родом из Дании... Помилуй меня Бог, о ком вы говорите? Не о короле, надеюсь?!

— О нем самом, — усмехнулся горец.

— Неужели эта леди...

— Да, его русская жена.

— Королева Ольга? — раздался общий изумленный крик, и Ольга, открыв глаза, поймала печальный взгляд Эдит.

— Погодите, сэръ, да нет, не может быть... — быстро заговорил Брикстер. — Я живу на свете сорок лет, а ни разу не видел нашу британскую королеву Викторию. Она обитает в своих дворцах. Я не могу представить, чтобы королева на ночь глядя отправилась на прогулку по Лондону в компании случайных знакомых! А эта леди именно так и поступила — пошла гулять по Афинам. Бросьте, это опять спекта... Простите, я не хотел! Я просто изумлен, как и мои спутники. Мы помним, как познакомились с этой леди на улице в Стамбуле, в Чукурджуме, как сговорились встретиться в Акрополе и погулять по нему на закате солнца... Но кто бы мог подумать!

— Двадцать греческих женщин не так болтливы, как ты один, англос, — презрительно прервал его горец. — Замолчи и дай отдохнуть госпоже. Берегите себя, Ваше Величество. Еды

и воды будет вволю. Мне нужно, чтобы вы были живы и здоровы к тому времени, когда ваш супруг придет отдать свою жизнь в обмен на вашу. Или к тому времени, когда я пошлю ему голову, срубленную с вашего еще трепещущего тела. Вы меня поняли? О дьявол, она опять лишилась сознания!

Эти слова донеслись до Ольги сквозь блаженную, спасительную тьму беспомыслия, в которое она вновь погрузилась почти с наслаждением.

*За несколько лет
до описываемых событий*

Принц вошел во дворец первым. Тишина стояла полная, и только эхо шагов разнеслось по комнатам, как если бы оттуда кто-то ринулся его встречать. Например, придворные, зажавшиеся нового повелителя. Или прежний король со своей королевой и всем двором...

Но этого быть не могло. Король Отгон, обиженный на страну, которой он отдал лучшие годы жизни, отсиживается сейчас в Баварии. Королева Амалия, проклинаемая народом за то, что не подарила королю наследника и осталась чужой своим подданным, разделяет его изгнание. Их придворные разбежались по домам, опасаясь гонений от нового монарха за преданность прежнему, но в то же время надеясь, что он не сможет без них обойтись и рано или поздно призовет на службу.

Возможно, и призовет. Принц вполне отдавал себе отчет, что больше не сможет ви-

деть вокруг знакомые по отцовскому дворцу и прежней жизни лица: светлоглазые, белокожие, обрамленные светлыми волосами. Теперь его станут окружать другие люди: смуглые, черноволосые, их темные глаза будут смотреть недоверчиво, недоброжелательно, может быть, враждебно. И только в его власти обратить эти чувства в преданность, уважение, любовь.

Однако он что-то застрял на пороге своего нового дома! Надо же наконец пройти этот просторный, гулкий, пустой вестибюль. Главное, чтобы никто не понял, что его одолела робость. Вся жизнь принц больше всего опасался, чтобы окружающие не подумали, что он чего-то боится. Из-за этого было наделано великое множество молодых глупостей, о которых теперь так приятно вспоминать. Его унылое прошлое младшего сына датского короля теперь казалось таким милым, спокойным...

По пути сюда принц учил язык своей новой страны, а заодно пословицы и песни. Он вообще любил народную речь. Как счастлив он был, узнав, что станет королем! Как страшно ему теперь! Его соотечественники сказали бы: «С берега море красиво, а с моря берег красив». А греки, наверное, выразились бы так: «Одни о бороде мечтают, другие, у кого есть борода,

на нее плюют». Словом, не ценил он того, что имел. Успеет ли оценить то, что получит?

Принц обернулся к замершей на ступеньках дворца немногочисленной свите:

— Ну что, господа, мне нравится простор моего нового дворца. Насколько я понимаю, в Греции не принято загромождать комнаты мебелью.

На самом деле дворец показался ему крайне нелепым. А уж эти пустые покои... Но он был сыном короля и знал, что правда — это последнее, что стоит повелителю говорить своим подданным.

Вперед выступил человек в меховом плаще. Плащ отчаянно пах старым козлом. В первую минуту встречи принц едва сдержался, чтобы не зажать нос. Однако потом притерпелся. Как его, этого господина? Мавродис? Маврокидис? Маврокиди?.. Нет, не вспомнить. Самое ужасное — это фамилии греков... Имена-то легкие, с этими именами мы рождаемся и умираем: их через одного зовут Аполлон, или Сократ, или Диоген, или Адонис, или Гектор, на худой конец Петр, или Александр, или Георгий... А вот повторить фамилии невозможно с первого раза. Впрочем, принц тут же подумал, что его полное имя — Кристиан Вильгельм Фердинанд Адольф Георг Шлезвиг-Гольштейн-Зондер-

бург-Глюксбургский — ни один грек не запомнит никогда в жизни. И ему стало смешно.

— Вы что-то хотите сказать, друг мой? — Принц с улыбкой взглянул на провожатого.

Встречающие говорили с ним по-немецки, он отвечал так же, но последние два слова произнес по-гречески — мои кафэ, — и в свете невероятно яркой, огромной, воистину сказочной луны все увидели, что суровое, со сросшимися бровями лицо грека расплылось в довольной улыбке:

— Ваше Величество...

Принц вздохнул. Он еще не был коронован и даже сам себя мысленно не называл королем. Церемония назначена на завтра. Но для этих людей, жаждавших спокойного развития страны, людей, уставших от войн и неурядиц, решение трех стран, от которых зависела сейчас судьба Греции, — Великобритании, Германии и России — посадить на греческий престол датского принца было равнозначно коронации. Поэтому он уже перестал смущаться, когда к нему обращались «Ваше Величество», хотя буквально сдергивать с лица стыдливую улыбку все еще приходилось.

— Слушаю вас, кирие¹. — Еще одно греческое слово, которым приятно щегольнуть.

---

¹ К и р и е — господин (*греч.*).